

Оноре де Бальзак

Вотрен

Перевод с французского
Евгения Гунста

ФТМ

Оноре де Бальзак

Вотрен

«ФТМ»

де Бальзак О.

Вотрен / О. де Бальзак — «ФТМ»,

ISBN 978-5-4467-0573-3

Пьеса посвящена разоблачению ложной, лицемерной аристократической морали. Автор наделяет Вотрена чертами, которые роднят его с героями романтических драм. Вотрен не лишен таинственности, он располагает большой властью, ибо у него в подчинении преступный мир, но эту власть он применяет для доброго дела: он всею душой предан своему воспитаннику – отвергнутому сыну герцога де Монсореля – и делает все возможное, чтобы он был счастлив. Ради него Вотрен жертвует и собственным благополучием.

ISBN 978-5-4467-0573-3

© де Бальзак О.

© ФТМ

Содержание

Действие первое	6
Явление первое	7
Явление второе	9
Явление третье	10
Явление четвертое	11
Явление пятое	12
Явление шестое	14
Явление седьмое	15
Явление восьмое	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Оноре де Бальзак
Вотрен
Драма в пяти действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Жак Коллен, именуемый **Вотреном**.

Герцог де Монсорель.

Герцогиня Луиза, урожденная де Водре, его жена.

Маркиз Альбер де Монсорель, сын герцога.

Мадемуазель де Водре, тетка герцогини.

Рауль де Фрескас.

Герцогиня де Кристоваль.

Инесса де Кристоваль, принцесса Архосская, ее дочь.

Шарль Блонде, именуемый кавалером де **Сен-Шарлем**.

Франсуа Каде по прозвищу **Философ**, кучер.

Шелковинка, повар.

Бютэ, привратник.

Филипп Буляр, именуемый **Ляфураем**.

Жозеф Бонне, камердинер герцогини де Монсорель.

Фелисите, ее камеристка.

Полицейский комиссар.

Слуги, жандармы.

Действие происходит в Париже в 1816 году, после вторичного
возвращения Бурбонов¹.

¹ ...после вторичного возвращения Бурбонов. – Людовик XVIII вернулся в Париж после разгрома наполеоновской армии при Ватерлоо в июне 1815 года.

Действие первое

Гостиная в особняке Монсорелей.

Явление первое

Герцогиня де Монсорель и мадемуазель де Водре.

Герцогиня де Монсорель. Вы дожидались меня? Как вы добры!

Де Водре. Что с вами, Луиза? Целых двадцать лет мы с вами проливаем вместе слезы, и вот впервые я вижу вас радостной. Всякий, кто вас знает, был бы потрясен не меньше меня.

Герцогиня де Монсорель. Трудно сдержать такую радость! Вы делили все мои муки, вы поймете и мой восторг: у меня блеснула искра надежды.

Де Водре. Вы напали на след вашего сына?

Герцогиня де Монсорель. Он найден!

Де Водре. Не может быть! Но подумайте только, на какую страшную пытку вы обрекаете себя, если вдруг окажется, что его уже нет в живых?

Герцогиня де Монсорель. Тетя, умерший ребенок навеки похоронен в сердце матери; но ребенок, которого у нее похитили, вечно живет в ее сердце!

Де Водре. Тише, нас могут услышать!

Герцогиня де Монсорель. Ах, мне все равно! Я начинаю новую жизнь и чувствую себя достаточно сильной, чтобы противиться тирании герцога.

Де Водре. Но почему, проплакав целых двадцать лет, вы вдруг обрели надежду?

Герцогиня де Монсорель. Это больше чем надежда. Когда кончился прием у короля, я поехала к испанскому послу; он хотел познакомить меня с госпожой де Кристоваль. Там я встретила юношу, который похож на меня как две капли воды; у него мой голос, моя осанка! Я потому так поздно и вернулась, что просто не могла подняться с места, не могла уехать, пока он не уехал.

Де Водре. И вы загорелись надеждой на основании таких слабых примет?

Герцогиня де Монсорель. Для матери первое бессознательное чувство – самое верное доказательство. Когда я увидела его, перед моими глазами прошло словно пламя, его взгляд воскресил во мне жизнь, и я почувствовала себя счастливой. Словом, если он не мой сын, значит, это безрассудная страсть.

Де Водре. А в таком случае вы погубите себя.

Герцогиня де Монсорель. Что ж поделаешь! За нами, вероятно, наблюдали; но меня влекла непреодолимая сила; я видела только его, мне хотелось, чтобы он заговорил со мною. И он со мною говорил, и я узнала, сколько ему лет: ему двадцать три года, столько же, сколько Фернану.

Де Водре. А герцог тоже там был?

Герцогиня де Монсорель. Ну, могла ли я думать о муже? Я слушала, как этот юноша разговаривал с Инессой. Мне кажется, они влюблены друг в друга.

Де Водре. Инесса, невеста маркиза, вашего младшего сына? И неужели вы думаете, что герцог не был поражен тем, как вы отнеслись к сопернику его сына?

Герцогиня де Монсорель. Вы правы, только теперь я поняла, какая опасность грозит Фернану. Но довольно, а то я проговорю о нем хоть до рассвета. Вы сами его увидите. Я пригласила его к себе и назначила время, когда герцог бывает у короля. Мы расспросим юношу о его детстве.

Де Водре. Вы так не уснете; успокойтесь, молю вас. И прежде всего отпустите Фелисите, она не привыкла ложиться так поздно. (*Звонит.*)

Фелисите. Его светлость и маркиз изволили прибыть.

Герцогиня де Монсорель. Сколько раз я говорила вам, Фелисите, никогда не докладывайте мне о том, что происходит на половине герцога. Можете идти.

Фелисите уходит.

Де Водре. Мне больно лишать вас надежды, ведь лишить вас ее значило бы отнять у вас радость, но вы сейчас вознеслись на такую высоту, что падение будет ужасно. Низвергаясь с вершин, душа разбивается, как и тело, и – позвольте мне быть откровенной – я просто трепещу за вас.

Герцогиня де Монсорель. Вас страшит мое отчаяние, а меня – моя радость.

Де Водре (*смотрит вслед уходящей герцогине*). Если окажется, что она ошиблась, она может лишиться рассудка.

Герцогиня де Монсорель (*возвращаясь*). Тетя, Фернана зовут Рауль де Фрескас.

Явление второе

Де Водре одна.

Де Водре. Она не сознает, что только чудо может вернуть ей сына. Все матери верят в чудо. Надо следить за каждым ее шагом. Один взгляд, одно неосторожное слово может ее погубить... Если она права, если бог возвратил ей сына, она идет навстречу катастрофе, еще более ужасной, нежели разочарование, а разочарование, увы, неизбежно! Хотя бы она сдерживалась при горничных!

Явление третье

Де Водре и Фелисите.

Де Водре. Уже?

Фелисите. Да, ее светлость уже отослала меня.

Де Водре. Герцогиня не дала вам никаких распоряжений на утро?

Фелисите. Нет, сударыня.

Де Водре. Ко мне сюда, около двенадцати, придет молодой человек, господин Рауль де Фрескас. Он, быть может, спросит герцогиню. Предупредите Жозефа: пусть он проводит господина де Фрескаса прямо ко мне. (*Уходит.*)

Явление четвертое

Фелисите одна.

Фелисите. Молодой человек – и к ней? Нет, уж простите. Так я и знала, что барыня уединяется не зря. Богатая, красивая, герцог ее не любит; первый раз выехала в свет, а вот уже на другой день к ней является молодой человек, и его, видите ли, желает принять мадемуазель де Водре. Ну и люди – ничего у них не вытянешь: ни признаний, ни барышей. Если таково будет положение горничных при нынешнем правительстве, уж и не знаю, право, что у нас из этого выйдет.

На мгновение отворяется боковая дверь; видны двое мужчин.

Впрочем, посмотрим, что это за молодой человек. (*Уходит.*)

Явление пятое

Жозеф и Вотрен.

Входит Вотрен; на нем пальто светло-коричневого цвета, с меховым воротником, на черной подкладке. У него вид посланника, приехавшего на званный вечер.

Жозеф. Проклятая девка! Чуть не попались...

Вотрен. То есть *ты* чуть не попался? Вот как! Значит, ты очень боишься, как бы опять не свихнуться? Видно, наслаждаешься здесь душевным покоем?

Жозеф. Право же, при нынешних обстоятельствах выгоднее быть честным.

Вотрен. А ты понимаешь, что такое честность?

Жозеф. Ну как же! С честностью и здешним жалованьем прожить можно – вот я и доволен.

Вотрен. Я тебя, голубчик, насквозь вижу. Берешь помалу, да часто, копишь потихоньку, а она, честность-то, ведь не мешает ссужать денежки под грабительский процент. Ты не пове-ришь, до чего мне приятно видеть старого знакомого, который достиг столь почетного положе-ния. Что ж, тебе это под силу, у тебя ведь только мелкие недостатки, – а это уже половина добродетели. А вот у меня были пороки... и я вспоминаю о них с грустью... Все на свете про-ходит! Теперь не осталось ничего. Одни только опасности и борьба. Так вот и живешь, словно индеец, затравленный врагами, и защищаешь свой скальп.

Жозеф. А мой?

Вотрен. Твой? Да, правда! Что бы здесь ни случилось – вот тебе слово Жака Коллена: ты не будешь замешан. Зато беспрекословно подчиняйся мне – во всем.

Жозеф. Во всем? Но как же...

Вотрен. Устава нашего не знаешь? Если выпадает какая неприятная работенка – у меня найдутся друзья, верные, старинные. Давно ты здесь?

Жозеф. Герцогиня наняла меня в камердинеры, когда отправлялась в Гент², я пользуюсь доверием ее светлости.

Вотрен. Это мне на руку. Я хочу получить кое-какие сведения о Монсорелях. Что тебе о них известно?

Жозеф. Ничего.

Вотрен. У аристократов доверие никогда дальше этого не идет. А что ты сам обнаружил?

Жозеф. Ничего.

Вотрен (*в сторону*). Он становится уж чересчур честным. Но, быть может, ему только кажется, что он ничего не знает? Стоит поговорить с человеком минут пять – и всегда что-нибудь да выведаешь. (*Вслух.*) Где мы находимся?

Жозеф. У герцогини. Покои герцога – внизу. Единственный их сын, маркиз, помещается наверху; его комнаты выходят во двор.

Вотрен. Я велел тебе сделать слепки со всех замков в кабинете герцога. Где они?

Жозеф (*нерешительно*). Вот.

Вотрен. Всякий раз, когда мне понадобится прийти сюда, я буду ставить мелом кре-стик на садовой калитке, а ты каждый вечер ходи смотреть – нет ли креста. Люди здесь живут добродетельные, петли на калитке порядком заржавели. Людовик Восемнадцатый – это вам

² ...когда отправлялась в Гент. – Во время «Ста дней» Людовик XVIII и его приближенные жили в бельгийском городе Генте.

не Людовик Пятнадцатый. Прощай, голубчик; будущей ночью я приду. (*В сторону.*) Схожу проведать наших во дворце Кристовалей.

Жозеф (*в сторону*). С тех пор как этот черт меня разыскал, я сам не свой. Ни минуты покоя!

Вотрен (*возвращается*). Так ты говоришь, герцог не живет с женою?

Жозеф. Уже двадцать лет как в ссоре.

Вотрен. А из-за чего?

Жозеф. Даже сын их, и тот не знает.

Вотрен. А твоего предшественника за что уволили?

Жозеф. Не знаю, я его и в глаза не видал. Они водворились здесь недавно, после вторичного возвращения короля.

Вотрен. Вот они, преимущества теперешнего общества: нет больше связи между господами и слугами, нет больше привязанности, а следовательно, невозможно и предательство. (*Жозефу.*) А за столом говорят друг другу колкости?

Жозеф. При людях – никогда.

Вотрен. А как вы в лакейской о них судите?

Жозеф. Герцогиня – та святая.

Вотрен. Бедняжка! Ну, а герцог?

Жозеф. Эгоист.

Вотрен. Ничего не поделаешь – государственный деятель. (*В сторону.*) У герцога должны быть тайны, заглянем-ка в его карты! У всякого вельможи имеются какие-нибудь страстишки, нужно только уметь ими пользоваться; и будь герцог у меня в руках, его сыну волей-неволей придется... (*Жозефу.*) А что говорят насчет свадьбы де Монсореля с Инессой де Кристоваль?

Жозеф. Ничего не говорят. Видно, герцогиню это мало интересует.

Вотрен. А ведь у нее один-единственный сын. Странно.

Жозеф. Между нами говоря, мне кажется, она его не любит.

Вотрен. Эти сведения пришлось вытягивать из тебя, как пробку из бутылки бордоского. Есть, значит, какая-то тайна в этом доме? Мать, герцогиня де Монсорель, и не любит своего сына, единственного своего сына! А кто ее духовник?

Жозеф. Это нам неизвестно.

Вотрен. Хорошо. Разузнаю сам. Тайны – как девушки: чем строже их оберегают, тем легче их похитить. Я выставлю двух своих молодцов дозорными в церкви святого Фомы Аквинского: они займутся там не спасением души, а... кое-чем другим. Прощай.

Явление шестое

Жозеф один.

Жозеф. Старый приятель, а что на свете хуже старого приятеля? Из-за него я лишусь места! Ах, если бы я не боялся, что Жак Коллен отравит меня как собаку – а от него можно чего хочешь ожидать, – я все открыл бы герцогу. Но в нашем подлом мире всяк за себя. Я не намерен ни за кого платить головой. Пусть герцог сам разбирается с Жаком, я и пальцем не пошевелю. Что за шум? Герцогиня встала. Что с ней приключилось? А ну-ка подслушаем.

Явление седьмое

Герцогиня де Монсорель одна.

Герцогиня де Монсорель. Куда бы спрятать метрику о рождении моего сына? (*Читает.*) «Валенсия... июля... дня тысяча семьсот девяносто третий год». Злополучный город, по крайней мере для меня! Да, Фернан родился через семь месяцев после свадьбы, и эта роковая случайность оправдывает гнусные обвинения. Попрошу тетю, чтобы она носила этот документ при себе, пока я его не спрячу в надежное место. У себя хранить бумаги я боюсь: герцог может приказать, чтобы в мое отсутствие перерыли все мои вещи; он распоряжается полицией по своему усмотрению. Человеку, который в милости у короля, ни в чем не отказывают. Если Жозеф заметит, что я в такой поздний час направилась к тете, завтра же весь дом об этом заговорит... Ах, одна в целом мире, одна против всех, вечная узница в собственном доме!

Явление восьмое

Герцогиня де Монсорель и мадемуазель де Водре.

Герцогиня де Монсорель. Вам тоже не спится?

Де Водре. Луиза! Дитя мое! Я вернулась, потому что мне все-таки хочется рассеять вашу мечту, ведь пробуждение будет для вас гибельным. Мой долг вырвать вас из-под власти безрассудных мыслей. Чем больше я думаю над вашими словами, тем больше жалею вас. И я должна вам сказать жестокую истину: герцог, несомненно, поместил Фернана в столь низкую среду, что искать его в тех кругах, где вращаетесь вы, бессмысленно. Юноша, которого вы встретили, не может быть вашим сыном.

Герцогиня де Монсорель. Ах, вы не знаете Фернана! А я его знаю: где бы он ни находился – он живет во мне. Я видела его тысячи раз...

Де Водре. Во сне.

Герцогиня де Монсорель. В жилах Фернана течет кровь Монсорелей и де Водре. Он сумеет собственными силами завоевать себе то место, которое подобает ему по рождению. Где бы он ни появился, ему уступают дорогу. Если он был простым солдатом – ныне он уже полковник. Мой сын горд, красив, его любят. Я уверена, что все его любят. Не разубеждайте меня, тетя! Фернан жив. В противном случае герцог нарушил слово дворянина, а он слишком высоко ценит честь своего рода, чтобы изменить ей.

Де Водре. Но ведь однажды поруганная честь мужа и жажда мести восторжествовали у него над великодушием дворянина!

Герцогиня де Монсорель. Ах, не говорите так, слушать вас страшно!

Де Водре. Луиза, вы же знаете, до какой степени Монсорели гордятся своим родом; это у них в крови, как у Мортмаров – остроумие.

Герцогиня де Монсорель. Увы! Мне это слишком хорошо известно. Усомнившись в законности сына, он потерял рассудок.

Де Водре. Нет! У герцога – пылкое сердце и холодный ум. Люди подобного склада действуют не задумываясь, лишь только дело коснется чувств, которыми они живут.

Герцогиня де Монсорель. Но вы ведь знаете, тетя, какой ценой я купила у него жизнь Фернана. Я достаточно дорого заплатила, чтобы не опасаться за его жизнь. Настаивать на своей невинности – значило обречь его на верную смерть, и ради спасения сына я пожертвовала честью. Каждая мать поступила бы так же. Вы оставались хранительницей моего имущества, а я жила одна в чужих краях – беспомощная, во власти страшных тревог... Мне не с кем было посоветоваться, я потеряла голову. Только потом я поняла, что он не привел бы своих угроз в исполнение. Принося такую жертву, я знала, что Фернан будет обречен на одинокое, нищенское существование, в неведомой стране, под чужим именем; но зато я знала, что он останется в живых и в один прекрасный день я его разыщу, хотя бы мне пришлось перевернуть для этого весь мир. Я приехала сейчас такая радостная, даже забыла передать вам метрику Фернана, которую испанский посол наконец затребовал для меня. Носите ее при себе до тех пор, пока я не передам ее нашему духовнику.

Де Водре. Герцог, вероятно, уже знает о ваших хлопотах, – и тогда горе вашему сыну! Вернувшись домой, он прошел прямо к себе в кабинет и все еще занимается там.

Герцогиня де Монсорель. Если я скину с себя позор, которым он пытался заклеить меня, если я перестану лить втихомолку слезы, – поверьте, тогда меня ничто не сможет сломить. Я уже не в Испании, не в Англии, я уже не во власти дипломата, хитрого, как тигр, который с первого дня эмиграции следил за каждым моим взглядом, за каждым моим жестом, подслушивал каждое мое слово и даже молчание, который читал мои мысли в самых затаенных

уголках души; там он окружил меня шпионами, словно невидимой железной сетью; там он превратил каждого моего слугу в неумолимого тюремщика и держал меня узницей в самой страшной из всех тюрем – в собственном доме. Теперь я во Франции, я снова с вами, у меня придворное звание, я могу обратиться к самому королю. Я узнаю, что случилось с виконтом де Ланжаком, я докажу, что после десятого августа³

³ *Десятого августа.* – В 1792 году в этот день Людовик XVI был низложен и заключен в тюрьму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.